

DOI: 10.25178/nit.2022.1.3

Статья

Контраст в тувинских пословицах

Татьяна Г. Бочина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

В статье рассматриваются различные реализации в тувинских пословицах и поговорках принципа контраста, универсального способа познания окружающего мира и дихотомического структурирования знания. Демонстрируется роль параллелизма в ритмико-композиционном построении тувинских паремий, выявляются разные виды параллелизмов, основанных на сходстве и контрасте. Для тувинских паремий, как и для пословиц многих народов, характерна форма синтаксически симметричных предложений, которая создает ритмичность чередований оппозиций и является фоном, акцентирующим контраст.

Основное внимание уделяется классификации оппозиций. Доказано, что в тувинских пословицах используется богатый репертуар лексических средств выражения контраста, которые в соответствии с теорией поля делятся на ядерную, центральную и периферийную зоны в зависимости от языковой репрезентативности: ядро образуют антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные оппозиции; центр составляют семантически и грамматически асимметричные квазиантонимы и квазиконверсивы, согипонимы; на периферии находятся коннотативные антонимы.

Контрастные пары анализируются в аспекте отражения языковой картины мира, при этом затрагивается ряд культурных кодов, среди которых зооморфный, соматический, антропоморфный. На примере тувинских пословиц с компонентами зоонимами, соматизмами, наименованиями родства показывается взаимодействие инвариантных архетипических оппозиций и национальной вариативности их реализации.

Значительное внимание в работе уделяется аксиологической сущности бинарного восприятия и описания мира, роли количественной и качественной оценки в формировании пословичных биномов.

Эмпирической базой исследования послужили 770 тувинских пословиц из сборника пословиц 2020 г. (составитель К. Будуп), из которых методом сплошной выборки были отобраны паремии, основанные на контрасте.

Ключевые слова: паремия; тувинская пословица; тувинский язык; контраст; параллелизм; оппозиция; культурный код

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Для цитирования:

Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 37-46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Тел.: +7 (842) 221-33-70. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

BOCHINA, Tatyana Gennadevna, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in the Field of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaja St., Kazan, 420008, Russia. Tel.: +7 (842) 221-33-70. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-2606-2985

Contrast in Tuvan Proverbs

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation

The article examines a variety of practical realizations that the principle of contrast finds in Tuvan proverbs and sayings. Contrast is a universal method of cognition and of dichotomical structuring of the world. We focus on the role played by parallel constructions (making use of similarities or contrasts) in rhythmic and compositional ordering of Tuvan paremies. As it happens, in many other languages, they tend to take the form of syntactically symmetrical sentences, with opposing contradistinctions alternating rhythmically, which in turn sets the background for contrast.

Special attention has been paid to classifying the oppositions. We have proved that Tuvan proverbs make use of a rich variety of lexical means of expressing contrast. In accordance with the field theory, they can be subdivided into the nuclear, central and peripheral zones, depending on how linguistically representative the unit is. Antonyms and converse terms appear at the core, as well as affirmative/negative oppositions, while the semantically and grammatically asymmetrical quasi-antonyms, and quasi-converse terms and co-hyponyms comprise the centre. Finally, connotative antonyms move to the periphery.

The contrasted pairs of units are analysed against the background of how they reflect the linguistic world picture, dealing with a number of cultural codes, including the zoomorphic, somatic and anthropomorphic ones. The case of Tuvan proverbs containing zoonyms, somatic words and/or kinship terms is a good example of how archetypical oppositional invariants come together with the ethnic variegation of their expression.

The article also pays attention to axiological nature of how the world is perceived and described in a binary fashion, and to the qualitative and quantitative assessment and the role it plays in setting up proverbial binomiality.

Empirically, our study is limited to 770 proverbs from the 2020 collection brought together by K. Budup. Continuous sampling helped us select a number of contrast-based paremies from this batch.

Keywords: *paremy; Tuvan proverbs; Tuvan language; contrast; parallelism; opposition; cultural code*

This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.

For citation:

Bochina T. G. Kontrast v tuvinskih poslovitsakh [Contrast in Tuvan Proverbs]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Введение

Первый сборник тувинских пословиц на тувинском и русском языках был издан в 1953 г.¹ С тех пор было опубликовано около десяти сборников, однако тувинская паремиология находится в самом начале научного описания народных изречений. Чаще всего объектом изучения является та или иная тематическая группа паремий. Изучались, например, символика числа², образ мужчины и женщины (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), зоонимы³ в тувинских пословицах, не-

¹ Чадамба, Ш. С. (2015) Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка: дисс. ... канд. филол. н. Абакан. 148 с. С. 13.

² Чугунеева А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10-2 (37). С. 18–21.

³ Ооржак А. Ч., Комбу Ч. О. О пословицах и поговорках с компонентом-зоонимом (на материале тувинского и английского языков) // Студенческие научные достижения: сб.ст. Международного научно-исследовательского конкурса / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 274 с. С. 160–163; Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27.

редко в сравнении с пословицами других языков. В последнее время появились отдельные попытки типологического описания тувинских пословиц на европейском паремиологическом фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис и др., 2021). Еще меньше публикаций о выразительных средствах тувинских пословиц. В первую очередь нужно назвать монографию Н. Р. Ойноткиновой, посвященную поэтике и прагматике алтайских пословиц и поговорок, в которой в качестве фонового материала привлекались паремии тувинцев, хакасов, шорцев и якутов (Ойноткинова, 2012); а также статью о сравнениях в русских и тувинских поговорках (Доржу, 2012).

Объектом данного исследования послужили тувинские пословицы и поговорки, основанные на лингвокогнитивном принципе контраста. Актуальность статьи мотивируется важностью познания контраста — фундаментального композиционно-стилистического принципа развертывания речи. По меткому выражению Ш. Балли, принцип контраста основан на закономерностях человеческого восприятия и познания, представляя собой «тенденцию человеческого ума в стилистической обработке» (см.: Балли, 1961: 194). Контраст в тексте не может остаться незамеченным, что определяет его значимость «не только для восприятия и понимания, но и для интерпретации текста, а отсюда — даже для его запоминания»¹. Контраст является одной из важнейших характеристик структурной и семантической организации пословицы, обуславливающей её порождение и функционирование в речи, восприятие и закрепление в индивидуальном и массовом сознании как фразового текста и как основной разновидности афористических единиц языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Иванов, 2019ab; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Селиверстова, 2009; Иванов, 2020). Контраст понятий, образов, смыслов, отражённых в пословице, детерминирует диалогичность как один из её конститутивных признаков (Паремиология без границ, 2020: 32–33) и паремиологическую константу (Паремиология в дискурсе, 2015: 26–47).

Цель статьи заключается в систематизации лексических средств выражения контраста в тувинских пословицах. Достижению данной цели способствует решение следующих задач: выявление паремий, основанных на контрасте; определение языковых и речевых разновидностей оппозиций, использованных в тувинских паремиях; структурирование системы контрастных оппозиций.

Эмпирической базой исследования послужили 770 пословиц тувинского народа, опубликованных в сборнике 2020 г.², из которых методом сплошной выборки отобраны паремии, основанные на контрасте.

Параллелизм как ритмико-композиционный принцип тувинской пословицы

Уже при первом знакомстве с паремиями тувинского народа (как в оригинале, так и в переводе на русский язык) обращает на себя внимание тот факт, что ее важнейшим ритмико-композиционным принципом является параллелизм, который, как известно, характерен для фольклорной техники самых разных народов (Якобсон, 1987: 99–132): *Эки аьдыңны дагга кызава, эки эжиңни чокка кызава* ‘Доброго коня в гору не погоняй, доброго друга отказом не огорчай’ (с. 75)³; *Каң сугга кадар, кижги бергээ кадар* ‘Сталь закаляется в воде, человек закаляется в беде’ (с. 30); *Ийи ыт аразынга сөөк кагба, ийи кижги аразынга сөс сөглеве* ‘Меж двух собак кости не бросай, меж двух людей ссоры не затевай’ (с. 28); *Олут улузу чугаалажып хөөрээр, чорук улузу ырлажып хөөрээр* (с. 42) ‘В юрту зайдут — разговоры пойдут, в путь отправляются — песни начинаются’⁴.

В монографии Н. Р. Ойноткиновой отмечается широкое распространение параллелизмов в паремике тюркских народов Сибири. Например, по ее подсчетам, в алтайских пословицах этот прием составляет более 50% образных средств (Ойноткинова, 2012: 85).

¹ Новикова Н. С. Принцип повтора, стандарт и фрейм как факторы взаимопонимания коммуникантов // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междун. конф. М.: Изд-во МОГПУ им. М. А. Шолохова, 1998. Т. 2. 426 с. С. 318.

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.

³ Здесь и далее пословицы цитируются по изданию: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с. В скобках указывается номер страницы.

⁴ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 13.

Как представляется, распространенность данного древнейшего приема поэтической речи в фольклорных текстах связана со значимостью повторяющегося ритма для механизмов познавательных процессов — восприятия, памяти, мышления. Синтаксический параллелизм производит эффект «бинокулярного зрения»: «происходит наложение друг на друга двух синтаксических образов с тем, чтобы наделись их объемностью и глубиной» (цит. по: [Якобсон, 1987: 101–102](#)).

Как известно, параллелизм реализуется в двух основных вариантах: корреляциях на базе сходства и на основе различий (контраста). В тувинских пословицах, основанных на сходстве, встречаются разнообразные семантические отношения параллельных образов. Наиболее часто первая часть параллелизма представляет собой наблюдение над миром природы, а вторая — транслирует ситуацию в мир человека: *Уялыг куш чаныган, уруглуг кижиге кээрэгээчел* (с. 54) 'Птица гнездо стережет — детей человек бережет'¹; *Үзер буга мыйыс дөгээр, үлегер билбес күш дөгээр* 'Бодливый бык рога выставляет, не умеющий убеждать — кулаком машет' (с. 55) и многие другие. В то же время для тувинских паремий нередки параллелизмы, в которых, наоборот, сначала описывается наблюдение над миром человека, а затем — над миром природы: *Шын сөске чон ынак, шык черге үнүш ынак* 'Народ любит правду, растение любит влагу' (с. 72); *Бот кижээ хырын херек, бода малга чыдын херек* 'Холостому человеку главное — еда, крупному скоту — лежбище' (с. 93).

В других случаях параллелизм на базе сходства развивается от мира конкретного, физического, к миру абстрактному, духовному, воспроизводя путь познания мира: *Багда доң быжыг, сөсте шын быжыг* (с. 19) 'Нет узла двойного прочнее, нет слова правды сильнее'²; *Шаг шаа-биле турбас, чавылдак көгү-биле чытпас* 'Траве не вечно зеленеть сиять, а времени на месте не стоять' (с. 71) и подобное. Однако встречается и противоположная композиция, когда сначала представляется более абстрактная ситуация, затем — более конкретная, бытовая: *Чөптүг сөсте буруу чок, чөрөмеде сөөк чок* 'В слове правды обиды нет, в чореме (колбасе-жгуте) нет костей' (с. 68); *Дөр бажынга олура, херек шиитпес, дөш адаанга олургаш, аң атпас* (с. 98) 'Сидя на почетном месте дело не судят, сидя внизу возвышенности дичь (зверя) не стреляют'³.

Реже обе части параллелизма связаны с явлениями одного порядка (или миром природы, или миром человека): *Куш уязынга ынак, кулун иезинге ынак* 'Птица любит своё гнездо, жеребёнок любит свою мать' (с. 36); *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижип болбас* (с. 12) 'Слово отцово запоминай, слово матери уважай'⁴. Бесспорно, что в фольклорных параллелизмах реалии природной среды, народного быта и традиционной деятельности транслируют стереотипы, ценности и миропонимание народа.

На синтаксическом параллелизме базируется также контрастное противопоставление (антитеза). Как правило, члены бинарных оппозиций занимают в противопоставленных тезисах одинаковые синтаксические позиции, выполняя идентичные коммуникативные функции: *Оолдуг кижиге оя сөглээр, кыстыг кижиге кыя сөглээр* 'Имеющий сыновей прямо говорит, имеющий дочерей — намеками' (с. 42). Благодаря бинокулярному эффекту, параллелизм высказывания, состоящего из взаимодействующих друг с другом оппозиций (за исключением средств связи), обеспечивает структурно-семантическую значимость каждого слова: *Хана баарынга төрүүр, хая баарынга өлүр* 'В стенах юрты рождаются, под скалой умирают' (с. 57).

Многие исследователи справедливо связывают параллелизм с комплексным, диффузным «первобытным» мышлением и с подсознанием. Так, С. М. Эйзенштейн подчеркивал: «Монотонность повторного ритма приближает нас к тем состояниям “рядом с сознанием”, где с полной силой способны действовать одни черты чувственного мышления» ([Эйзенштейн, 1980: 198](#)). Симметричность, правильная топологическая конфигурация, которые обеспечивают «наиболее эффективное — резонансное — воздействие на психику и мозг» ([Князева, 2000: 239](#)), имеют огромное значение для перлокутивной (воздействующей) силы пословиц. Для тувинских паремий, как и для пословиц многих народов, характерна форма «синтаксически (и морфологически) симметричных предложений» ([Крикманн, 1984: 152](#)): *Мал алазы чараш, кижиге алазы багай* 'Скот пестрый — хорошо, человек двуличный — плохо' (с. 39); *Эп бажы — чаг, сөс бажы — хан* 'У дружбы — сало, у вражды — кровь' (с. 77).

¹ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С.44.

² Там же. С. 12.

³ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁴ Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 47.

Для антитезы большое значение имеют различные виды повтора: синтаксический, семантический, лексический. При этом синтаксический параллелизм создает ритмичность чередований оппозиций, является тем фоном, который акцентирует контраст.

Лексические средства выражения контраста

Систематизируем типы языковых единиц, посредством которых в тувинских поговорках реализуется контраст. В нашей работе «Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки» был сделан вывод о том, что инвентарь лексических средств выражения контраста представляет собой поле с ядром, центром и периферией¹. Анализ тувинских поговорок убеждает в том, что репертуар контрастных оппозиций в поговорках тувинского народа укладывается в подобную схему.

1. Ядро лексико-семантического поля контраста образуют наиболее частотные стилистически нейтральные оппозиции — такие языковые средства выражения контраста, как антонимы, конверсивы², оппозиции положительных и отрицательных глаголов. Так, среди языковых антонимов представлены и разнокоренные, и однокоренные. Например, в поговорке **Бай мен дээш бардамнава, яды мен дээш муңгарава** 'Богатством не кичись, бедности не стыдись' (с. 19; здесь и далее выделено нами. — Т. Б.) противопоставление строится на оппозиции антонимов *бай — яды* (богатство — бедность). Используются антонимы в следующих изречениях: **Кежээниң мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу** 'Трудолюбивому — почет, ленивому — насмешки' (с. 32); **Чайда яды чок, кышта коя чок** (с. 63) 'Лету бедности нет, зиме — красоты'³; **Мурнун хынаар, соон истээр** 'Присмотрись, что впереди, оглянись, что позади' (с. 40). Строится контраст также и на словообразовательных биномах: **Кижик өлүр, алдар өлбөс** 'Человек смертен, слава бессмертна' (с. 33); **Кирерде, дөр ырак, үнерде, эжик ырак** 'Когда заходишь — до дөр⁴ далеко, выходишь — до дверей далеко' (с. 108).

Регулярными и частотными в языке являются конверсивы, или слова со значением взаимной «обратности» одного и того же действия, которые отражают объективные отношения взаимозависимых сторон: **Алыры амыр, бээри берге** 'Взять легко, отдавать трудно' (с. 15); **Тайып ужар, даянып турар** (с. 51) 'Поскользнется — упадет, обопрется — и встает'⁵; **Сезик-биле аарыыр, сүзүк-биле экириир** 'От мнительности заболевают, от надежды выздоравливают' (с. 49); **Чарары белен, чазаары берге** (с. 65) 'Сломать легко, да наладить трудно'⁶.

К ядру поля контраста, бесспорно, следует отнести и оппозиции положительного и отрицательного глаголов, которые указывают на полярность двух ситуаций наличия и отсутствия действия, его реальности или нереальности. Утвердительно-отрицательные высказывания типа **Арның бодава, адың бода** 'Не думай о лице, думай об имени' (с. 16); **Кудай багы арлыр, кижик багы арылбас** 'Непогода пройдет, а плохой нрав — нет' (с. 35); **Кара баптыг кижик аңдарлыр, кара чудук аңдарылбас** 'Высохшее полено не зашелестит, человек, имеющий голову, зашевелится' (с. 104) легко декодируются как контрастные. При этом контраст создается не только в тех случаях, когда отрицается то же самое действие, что и утверждается: **Өрттенген сындан ыяш үнер, өлгөн өшкүден дүк үнмес** 'В сгоревшем лесу деревья вырастут, у павшей козы шерсть не вырастет' (с. 45); **Барзыңза — мөрүң, барбазыңза — шоруң** 'Пойдешь — счастье найдешь, не пойдешь — сам виноват' (с. 90), но и когда противопоставляются разные действия: **Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр** (с. 28). 'Близко вершины двух гор, но не сойдутся, два человека живут далеко, но встретятся'⁷; **Өшкен от кывар, өлгөн кижик турбас** 'Огонь угасший разгорится, умершему не возвратиться' (с. 46).

2. К центру лексико-семантического поля контраста относятся квазиантонимы («приблизительные» антонимы), квазиконверсивы (неточные конверсивы) и согипонимы (лексические единицы одного видového ряда). Во-первых, смысловая противоположность выражается асимметричными в семантическом или (и) грамматическом плане (планах) единицами:

¹ Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки: дисс. ... докт. филол. н. Казань, 2003. 449 с. С. 72–96.

² Слова с обращенными ролевыми или актантами структурами (Апресян, 1995: 260).

³ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁴ Дөр — почетное место в юрте (напротив входа).

⁵ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁶ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁷ Перевод Н. Д. Сувандии.

а) семантически неточные антонимы: *Саар малдың сүттүү херек, садар малдың кырганы херек* 'Для молока нужна корова **молочная**, для продажи годна и **старая**' (с. 48), ср. молодой — старый, дающая (молочная) — не дающая молока и др.;

б) грамматически неточные антонимы (слова разных частей речи, выражающие неточную противоположность): *Долдайлап болбас, дорт чугаала. Доора будук тон орар* 'Не **криви**, **прямо** говори, а то поперечный сучок одежду порвёт' (с. 98); *Кырырының мурнунда, аныяк чорааш, эртемге өөрөн* (с. 111) 'Перед **старостью**, пока **молодой** учись'¹;

в) неточные конверсивы типа *мать — дети, мать — дочь, отец — сын* (ср. с конверсией *родители — дети*): *Ава кижы «төлүм» дээр, ажы-төлү «шөлүм» дээр* 'Думы матери о детях, мысли детей о степи (о чём-то другом, в степях)' (с. 11); *Ада көрбээнин оглу көөр, ие көрбээнин уруу көөр* 'Что **отец** не видел — **сын** увидит, чего мать не видела — дочь увидит' (с. 12). В последнем изречении контраст неточных конверсивов *отец — сын, мать — дочь* формирует поверхностную семантику пословицы (гендерная преэминентность), в то время как глубинная семантика (мораль пословицы) создается противопоставлением точных конверсивов ('**дети** должны пойти дальше **родителей**, увидеть больше').

Во-вторых, контраст создается противопоставлением видовых слов одного семантического поля. Видо-видовым оппозициям в пословицах и поговорках принадлежит особое место в связи с преобладанием в составе народных изречений конкретной лексики, что является одной из важнейших характеристик жанра паремий: *Кижы сеткили даштан кадыг, хөвөңден чымак* 'Душа человека может быть твёрже **камня**, мягче **пуха**' (с. 107) *Кижы сеткили хардан ак, хөөден кара* 'Душа человека может быть белее **снега**, темнее **сажи**' (с. 107). Именно конкретная лексика является «строительным материалом» языковой картины мира, вербально выражая коды культуры. Под культурным кодом, как известно, понимается набор образов, связанных с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. В тувинском паремиологическом пространстве представлены разнообразные коды культуры, например:

— природный: *Даг бедик-даа болза, кырлыг, далай терең-даа болза, дүптүг* '**Тора** хоть высока, но имеет пик, **море** хоть глубоко, но имеет дно' (с. 95);

— зооморфный: *Буура (теве (эр хиндиктиг), күштүг баштыңчы) кырыыр, бодаган өзер. 'Верблюд состарится, верблюжонок вырастет'* (с. 22);

— соматический: *Хырны тотса-даа, караа тотпас* '**Живот** сыт, а **глаза** голодны' (с. 61);

— предметный: *Экиниң чуртунга ыяш чыдар, бактың чуртунга баг чыдар* 'У хорошей стоянки **дерево** лежит, у плохой — **привязь**' (с. 76);

— пищевой: *Даартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* 'Лучше сегодня — **лёгкие**, чем завтра — **сало**' (с. 23) и др.

Рассмотрим несколько примеров подробнее.

Своеобразие зооморфного кода связано, прежде всего, с тем, что для тувинцев как скотоводов имел первостепенное значение домашний скот: *аът* 'лошадь', *теве* 'верблюд', *хой* 'овца', *инек* 'корова', *буга* 'бык'; *анай* 'козленок'². Нередко много значащие в быту человека животные сопоставляются друг с другом: *Хаак баштаан тевени өшкү кайгаар, хая кырлаан өшкүнү теке кайгаар* '**Верблюд** верхушки тальника объедает — **коза** удивляется, коза на скалу лезет — верблюд диву даётся' (с. 56); *Аскырлыг аалдың уруглары сонуургак болур, бугалыг аалдың уруглары кортук болур* 'Дети аала, где есть **жеребец** — любопытны, дети аала, где есть **бык** — трусливы' (с. 87); *Инек малдан кээп дүжерге, ийи мыйызы биле кудуруун дөжээр, ынчангаиш кадыг болур. Чылгы малдан кээп дүжерге, чымчак кудуруу биле челин дөжээр, ынчангаиш чымчак болур* 'Падаешь с **бычка** — стелятся рога и хвост костяной, поэтому жёстко. Падаешь с **лошади** — стелятся грива и хвост волосистой, поэтому мягко' (с. 101). В биномах-зоонимах особенно подчеркиваются прагматические функции животных: *Инектиг кижы тодуг, хойлуг кижы каас* 'У кого **корова** — тот сыт, у кого **овцы** — одет' (с. 28); *Аът — кижиниң буду, ыт — кижиниң кулаа* '**Лошадь** — нога человека, **собака** — уши' (с. 87). Как и в паремиологических фондах других народов, в тувинских пословицах встречаются оппозиции зоонимов со значением «хищник — жертва»: *Бөрүлүг ойну хой эн-*

¹ Перевод Н. Д. Сувандии.

² Ооржак А. Ч., Комбу Ч. О. О пословицах и поговорках с компонентом-зоонимом (на материале тувинского и английского языков) // Студенческие научные достижения: сб. ст. Международного научно-исследовательского конкурса / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 274 с. С. 162.

дeвeс 'Стадо чувствует ущелье, где есть волки' (с. 93); *Күскеге халап, дишке оюнчук* 'Для мыши смерть, для кота игрушка' (с. 110); «хищник — падальщик»: *Эки эзир тевер, кукун сааскан дойлаар* 'Орёл добывает, вороны доедают' (с. 77); «сила — слабость»: *Арзылаңны арга-биле, тоолайны керги-биле* 'Льва берут хитростью, зайца — силками' (с. 86).

Антропоцентричность мировосприятия обуславливает тот факт, что названия частей тела и внутренних органов формируют в народных изречениях соматический код культуры, в котором тело человека является не только пространственным ориентиром, но и мерилем «всех вещей»: объектов, качеств, явлений, ситуаций и т. д. Безусловно, что в «наивной анатомии», как и в других культурных кодах, есть как общечеловеческие характеристики, так и ярко выраженные национальные особенности. Так, в пословицах разных народов, в том числе и тувинцев, оппозиции соматизмов связаны с архетипическими противопоставлениями «верх — низ»: *Тенек баш бут човадыр* 'Дурная голова ногам покоя не даёт' (с. 51), «передний — задний»: *Болбас тенек бажын үзер, денди тенек тейин үзер* 'У баловника разбитый лоб, у озорника — макушка' (с. 93), «внутренний — внешний»: *Араганың дашты ак, ишти кара* 'У араки (алкогольного напитка) чистая внешность, чёрное нутро' (с. 85).

Инвариантным для народных изречений является также противопоставление разных органов чувств по их функциям: *Чокту карак-биле көөр, чигни аас-биле шенээр* 'Не верь глазам своим, попробуй языком своим' (с. 67); *Карак-биле көргени шын, кулак-биле дыңнааны дамчыыр* 'Что видели глаза — правда, что слышали уши — молва' (с. 104); *Карактыгда көрүп каар, кажыктыгда кылаштай бээр*. 'На то и глаза, чтобы увидели, а ноги, чтобы дошли' (с. 104). К числу специфической относится реализация бинома «внутренний — внешний» посредством оппозиций, в которых важнейшим внутренним органом является желудок, в отличие, например, от русского маркера внутреннего мира человека — «сердце»: *Аксында бурган, артында хырын* (с. 84) 'Во рту — бог, сзади — живот'¹, где *хырын* — живот, желудок, ср. с русскими пословицами с аналогичной моралью: *На языке медок, а на сердце ледок*²; *В словах — солодок медок, а в груди — холодок ледок*³.

В семейном коде традиционно контрастируют такие пары, как *муж — жена, отец — мать, сын — дочь, брат — сестра*, — слова, не являющиеся антонимами с позиций языкознания, однако очень часто противопоставляющиеся в фольклорных текстах и отражающие разграничение социально-культурных ролей мужчины и женщины, на которые указывают гендерно маркированные атрибуты, животные, связанные с традиционным разделением мужского и женского труда: *Инээм өдээ — ием чурту, аьдым өдээ — адам чурту* (с. 102) 'Коровий навоз — родина матери, конский навоз — родина отца'⁴; *Кыс уруг ине-чүскүк дээр, оол уруг оттук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с напёрстком, сын — нож с огнивом' (с. 38); *Иелиг кыс шевер, адалыг оол томаанныг* 'С матерью дочь — умелая, с отцом сын — послушный' (с. 28).

Народные изречения подобными противопоставлениями указывают на роль женщины в воспитании детей *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, без матери — круглый сирота' (с. 12), на патриархальное доминирование в семье отца *Ада сөзү — «амыдырал», ие сөзү — «ажыл-иш»*. 'Главное слово отца — «жизнь», матери — «труд»' (с. 82); *Ада төөгүзү — алдын, ие төөгүзү — мөңгүн* 'Наследство отца — золото, наследство матери — серебро' (с. 82). О приоритете отца говорят и метафоры отец — «луна», мать — «солнце» (ср. с доминантной функцией Луны в тюркских культурах): *Авазы хүн болза, ачазы ай болур*. 'Если солнце — мать, отец — луна' (с. 80); *Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак*. 'Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери ласковее' (с. 22).

Итак, несовместимость денотативных значений согипонимов⁵, с одной стороны, и их семантическая однородность на сигнификативном уровне — с другой, определяют легкость интерпретирования «оригинальных» неязыковых контрастов. Таким образом, центр лексико-семантического поля контраста составляют оппозиции слов, не являющихся антонимами, но связанных в языке системными отношениями.

¹ Перевод Н. Д. Сувандии.

² Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1996. Т. 2. С. 137.

³ Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.

⁴ Перевод Н. Д. Сувандии.

⁵ Слов, обозначающих разные виды одного рода.

3. Периферию средств выражения контраста образуют ассоциативные оппозиции несистемного характера, например, слова с неоднородными денотативными компонентами и противоположными коннотативными семемами. Аксиологический мир полярен, он делится на белый и черный, позитивный и негативный. Можно с известной долей уверенности утверждать, что в речи любое слово с положительной оценкой может составить оппозицию любой лексеме с отрицательной коннотацией: *Буянныг караан базып алган, бузуттуг караан көрүп алган* 'Закрыв благородный глаз, открыл лукавый глаз' (с. 94); *Дашты чараиш, ишти ирик* 'Внешность красивая, а нутро гнилое' (с. 97); *Ишти ирик, дашты алдын* 'Снаружи золотой, внутри гнилой' (с. 102); *Кижэ экизи — хүн, кижэ багы — чылан* 'Добрый человек — как солнце, злой человек — как змея' (с. 34); *Бодунну богдага (бурганга, Богда бурганга) бодава, эжиңни эникке деңгеве* 'Не мни себя святым Богда (Будда, верховное божество буддизма), не считай товарища щенком' (с. 21).

Аналогичная семантическая полярность характерна лексемам количественной оценки: любое слово с семой «маленький», «мало» может быть противопоставлено лексеме с компонентом «большой», «много»: *Далайга дужуп влгеннерден дашкага хораннанып өлгеннер хөй* 'Отравленных рюмкой больше, чем утопленников в море' (с. 95); *Күзээр болза, хүлбүс-даа бичелей бээр, күзээр болза, хүлчүк-даа улгады бээр* 'Если захотеть, и косуля станет мальцом, а мошкара станет великаном' (с. 110); *Даи дег ак даг дег караны базар* 'Правда — с маленький белый камешек — победит неправду с чёрную гору' (с. 96); *Даг дег караны довук дег ак базар* 'Правда с ноготок гору лжи победит' (с. 23), где *довук* — 'коленная чашечка' (ср. *Маленькая правда победит большую ложь*); *Бодунуң бажында теңе көрбөйүн, эжиңиң бажында теңе көргөн.* 'У себя на голове верблюда не заметит, у товарища на голове иголку увидит' (с. 21).

Заклучение

Контраст как лингвокогнитивный принцип имеет характеристики, чрезвычайно важные для перлокутивной функции народных изречений: логичность, схематизм, эмоциональность контраста способствуют запоминаемости формул народной мудрости, которые воздействуют не только на логику, но и на чувства человека.

Тувинские пословицы имеют разнообразный репертуар лексических средств выражения контраста, которые в соответствии с теорией поля делятся на ядерную, центральную и периферийную зоны в зависимости от языковой репрезентативности: ядро образуют антонимы, конверсивы, оппозиции утвердительных и негированных глаголов; центр составляют семантически и грамматически асимметричные квазиантонимы и квазиконверсивы, согипонимы; на периферии находятся коннотативные антонимы.

Жанрообразующей лексикой паремий считаются конкретные слова, которые являются «строительным материалом» языковой картины мира, вербально выражая коды культуры. Оппозиции согипонимов в составе пословиц обладают лингвокультурной ценностью, фиксируя те или иные биомы национального культурного кода.

Благодарности

Автор благодарит кандидата филологических наук, доцента, декана филологического факультета Тувинского государственного университета Н. Д. Сувандии за редактирование перевода паремий на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян, Ю. Д. (1995) Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры». Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 472 с.
- Балли, Ш. (1961) Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. М. : Издательство иностранной литературы. 394 с.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Доржу, К. Б. (2012) Сравнение в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Князева, Е. Н. (2000) Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познание / под общ. ред. И. П. Меркулова. М. : Языки славянской культуры. 272 с. С. 221–244.

Крикманн, А. А. (1984) Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремиологические исследования: сборник статей / сост. Г. Л. Пермяков. М. : Наука. 320 с. С. 149–179.

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск : Ред.-издат. центр НГУ. 354 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / под ред. О. В. Ломакиной. М. : Ленанд. 304 с.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1(17). С. 182–200.

Эйзенштейн, С. М. (1980) Психология искусства (неопубликованные конспекты статьи и курса лекций) // Психология процессов художественного творчества / отв. ред. Б. С. Мейлах, Н. А. Хренов. Л. : Наука. 285 с. С. 173–203.

Якобсон, Р. (1987) Работы по поэтике: Переводы. М. : Прогресс. 464 с.

Дата поступления: 21.09.2021 г.

REFERENCES

Apresian, Yu. D. (1995) *Izbrannye Trudy [Selected works]*. 2nd ed. Moscow, School Languages of Russian culture. Vol. 1. *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka [Lexical semantics. Synonymous means of language]*. 472 p. (In Russ.).

Bally, Ch. (1961) *Frantsuzskaia stilistika [French stylistics]* / translated from the French by K. A. Dolinin; edited by E. G. Etkind. Moscow, Publishing House of Foreign Literature. 394 p. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [Proverbs in modern linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremias in contemporary linguistics: Approaches to study, text formation and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143-160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Dorzhu, K. B. (2012) Sravnenie v russkikh i tuvinskih pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparison in Russian and Tuvan sayings condemning negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskih poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics and its major properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskih poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Kniazeva, E. N. (2000) Topologiya kognitivnoi deiatel'nosti: sinergeticheskii podkhod [The topology of cognition: a synergetic approach]. In: *Evoliutsiia. Iazyk. Poznanie [Evolution. Language. Cognition]* / ed. by I. P. Merkulova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 272 p. Pp. 221–244. (In Russ.).

Krikmann, A. A. (1984) Opyt ob'iasneniia nekotorykh semanticheskikh mekhanizmov poslovitsy [Explaining some semantic mechanisms of the proverb]. In: *Paremiologicheskie issledovaniia [Paremiological research]: a collection of articles / comp. by G. L. Permiakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 149–179. (In Russ.).*

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]* / ed. by O. N. Laguta. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center NSU. 354 p.

Paremiologiya v diskurse [Paremiology in Discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009) Opyt vyiavleniia poslovichnogo binoma i problema variantnosti [Identifying the proverbial binomial and the problem of variation]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(17), pp. 182–200. (In Russ.).

Eizenshtein, S. M. (1980) Psikhologiya iskusstva (neopublikovannye konspekty stat'i i kursa leksii) [Psychology of art: Unpublished drafts for articles and a course of lectures]. In: *Psikhologiya protsessov khudozhestvennogo tvorchestva [Psychology of artistic creativity]* / ed. by B. S. Meilakh and N. A. Khrenov. Leningrad, Nauka. 285 p. Pp. 173–203. (In Russ.).

Yakobson, R. (1987) *Raboty po poetike: Perevody [Works on poetics: Translations]*. Moscow, Progress. 464 p. (In Russ.).

Submission date: 21.09.2021.